

В заключение остается добавить, что предлагаемая работа ни в коем случае не претендует на окончательное решение проблемы «эмпорий–полис» в Северо-Западном Причерноморье. Ее цель – показать одно из возможных направлений, а также то, что роль постоянно меняющихся археологических источников в решении сложных проблем древней истории нельзя недооценивать.

SOME POLEMICAL NOTES ON THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF BORISTHENES AND OLBIA

A. V. Buyskikh

The article deals with some problems connected with the development of Boristhenes and Olbia during the colonization period. Analysing old and recent archaeological data obtained in Olbia, the author makes an attempt to review the generally accepted chronology. Remains of buildings connected with dwelling, economical activities and cult prove that Olbia was founded in the second quarter of the 6th c. BC. This means that the development of agricultural area, whose early period is traditionally connected with Boristhenes and the later one with the latter, can be connected only with Olbia, for the earliest settlements were contemporary with this city. The origin of Olbia corresponds chronologically to the establishment of the polis cult of Apollo the Healer (A.S. Rusyayeva), to the coin-like arrow-shaped metal pieces related to it by their semantics (V.A. Anokhin), and a system of extra-urban sanctuaries marking the borders of the Olbian *chora* (S.B. Buiskikh). A free area reserved in the centre of Olbia which was used for the agora in the early 5th c. BC, is another fact that makes it possible to maintain that Olbia had been originally conceived as a polis centre. Commercially oriented Boristhenes, which did not have its own *chora*, should be regarded as an emporium depending first on Miletus, and after the foundation of Olbia on the Olbian polis. This thesis is in the line of L.V. Kopeikina's and Yu.G. Vinogradov's ideas. The dynamics of dwelling-houses and cult buildings shows that Boristhenes and Olbia were developing as city centres.

© 2005 г.

А. К. Нефёдкин

МЕТАТЕЛИ И САРИССОФОРЫ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПЕХОТИНЦЕВ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ АРМИЯХ

Данная статья посвящена рассмотрению некоторых «нетипичных» строев македонской фаланги. Они нетипичны в том плане, что построение фаланги, базировавшейся на тактике фронтального удара, расчленялось в одном случае отрядами метателей, а в другом – легковооруженные входили внутрь построения фалангитов. Мы рассмотрим боевое построение Пирра во время его итальянской кампании и позднюю фалангу Александра Великого и попытаемся выяснить, с какой целью они были созданы.

В классической македонской фаланге было 16 384 гоплита (Asclep. Tact. 2. 7; Ael. Tact. 8. 3; Ag. Tact. 9. 5). Такое же количество гоплитов имели и фаланги Селевкидов (Liv. XXXVII. 40. 1; App. Sog. 32) и Антигонидов (Liv. XXXIII. 4. 4). В таком построении при стандартной глубине в 16 человек на фронте стояла тысяча воинов, занимавшая по ширине около 900 м. Из сообщения Асклепиодота (Tact. 4. 4) можно сделать вывод, что между подразделениями фаланги, по

крайней мере, в теории, не было интервалов. Такая большая непрерывная протяженность по фронту была необходима для сильного фронтального натиска, чтобы противник не смог отойти в стороны, тогда как выставленные вперед сариссы просто вытеснили бы врага с занимаемой позиции. Однако такой строй имел существенный недостаток: на пересеченной территории в нем возникали разрывы, куда мог вклиниться противник и напасть на открывшиеся фланги отрядов. Поэтому особое внимание уделялось выбору для места будущего боя ровной местности и стремлению не разрывать фронт во время наступления, что достигалось путем тщательного обучения фалангитов.

Вместе с тем, классическую фалангу могли разделять на отдельные отряды с целью сделать ее более подвижной, менее уязвимой к неровностям местности. Так, в битве при Мантинее (207 г. до н.э.) ахейский полководец Филопемен построил вооруженную по-македонски фалангу вдоль некоего рва в виде отдельных «спейрообразных отрядов» (Polyb. XI. 11. 6: κατὰ τέλη σπαιρηδόν). Уже Полибию, по-видимому, не было ясно, с какой целью фаланга была так построена (XI. 11. 6–9). Впрочем, по ходу битвы оказалось, что такое построение позволило фалангитам перейти в атаку на спартанцев (Polyb. XI. 16. 2). Позднее в битве при Мантинее (190 г. до н.э.) Антиох III построил свою фалангу в 32 шеренги, разделив ее на десять отрядов, в интервалах между которыми находилось по два слона, сопровождаемых легкими пехотинцами (Liv. XXXVII. 40. 1; App. Syr. 32)¹. Учитывая, что всего фалангитов было 16000, получается, что тактическим подразделением был отряд в 1600 воинов, имевший (при глубине в 32 человека) по фронту 50 воинов, что составляло 89 м, считая стандартным для такого количества шеренг интервал в четыре локтя (Asclep. Tact. 4. 1, 3). В теоретических «Тактиках» нет подразделений в 1600 воинов, похожее число дает лишь хилиархия (1024 воина), к которой можно присоединить пентекосиархию (512 бойцов) (Asclep. Tact. 2. 10; Ael. Tact. 9. 5–6; Ag. Tact. 10. 5). Не ясно, для чего Антиох так построил своих фалангитов, поскольку в описаниях битвы указаний на замысел царя нет. Возможно, планировалась стандартная стратегия и предполагалось не оставлять слонов прикрытием на флангах отрядов, но пустить в атаку, строй же фаланги после этого уплотнить для боя, перестроив в стандартные 16 шеренг.

Для облегчения маневрирования строя отряды фалангитов по флангам могли защищаться более мобильными подразделениями. Так, в битве при Селласии (222 г. до н.э.) царь Македонии Антигон III Досон поставил отборные подразделения фалангитов-халкаспидов («меднощитных») попеременно с отрядами иллирийцев (Polyb. II. 66. 5). Подобное построение было сделано для боя с противником, располагавшимся на возвышенности, укрепленной рвом и валом. Причем во время атаки иллирийцы выдвинулись вперед, и лишь позднее вместе с ними в бой пошли македоняне (Polyb. II. 66. 10; 67. 6, 7). Естественно, подобное построение фалангитов было вызвано стремлением сделать строй максимально подвижным для боя на неровной территории и не допустить врага в разрывы строя; халкаспиды были построены по отдельным подразделениям, а между ними стояли отряды более подвижных иллирийцев².

Такова была эллинистическая практика построения фаланги с интервалами между тактическими подразделениями, обусловленная, с одной стороны, стремлением использовать в бою элитные части для фронтальной атаки, а с другой –

¹ См. *Head D. Armies of the Macedonian and Punic Wars 359 BC to 146 BC. Goring-by-Sea. 1982. P. 47.*

² О вооружении иллирийцев см. *ibid. P. 129–130.*

вынужденная считаться с условиями местности. Это была своеобразная попытка скомбинировать натиск и маневренность.

Если мы обратимся к теоретическому обобщению практики взаимодействия стрелков и фалангитов, то увидим, что, судя по «Тактикам», обычным для фаланги построением являлось «включение», когда легковооруженные стояли между рядами гоплитов (Asclep. Tact. 6. 1; 10. 17; Ael. Tact. 31. 3; Arr. Tact. 13. 2; 26. 6). Подобное построение применялось для того, чтобы легковооруженные во время боя могли неожиданно выбегать из отряда гоплитов, обстреливать врага и также быстро скрываться среди тяжеловооруженных воинов (Achil. Tat. III. 13; ср.: Plut. Anton. 41. 6–7; 45. 3). Но такое построение, собственно говоря, было не перемешиванием отдельных отрядов друг с другом, а включением стрелков в подразделение гоплитов.

Похоже, первым известным нам полководцем, использовавшим тактическое построение фаланги попеременно с более мобильными частями, был царь Пирр, строивший так свои войска во время похода в Италию (280–275 гг. до н.э.). Полибий (XVIII. 28. 10), сравнивая македонский и римский военные порядки, замечает: «Конечно же, Пирр использовал не только оружие, но и итальяйские силы, ставя попеременно отряды и фалангитские спейры в боях против римлян». Поскольку у нас нет данных о перевооружении Пирром своих войск итальяйским оружием, то в пассаже скорее всего речь идет о вооружении самих италиков³. Спейра (σπείρα) в изложении Полибия может означать римскую манипулу или когорту (II. 30. 6; 33. 4. 7; III. 110. 7; 113. 4; 115. 6, 12; VI. 24. 7–8; XI. 23. 1, 6; XIV. 8. 7; XV. 9. 7)⁴, однако в данном пассаже речь идет о построении фаланги (II. 67. 2, 68. 3. 8; XI. 11. 6; 12. 5). Обычно спейра – отряд македонских фалангитов, состоявший из 256 человек, который в «Тактиках» именуется синтагмой (Asclep. Tact. 2. 8; Ael. Tact. 9. 4; Arr. Tact. 10. 3)⁵. Название другого подразделения (σχημαία) часто используется Полибием для обозначения манипулы⁶. Следовательно, в сообщении Полибия речь шла о построении небольших, в несколько сот человек, отрядов: итальяйских, возможно, эквивалентных по численности когортам⁷, и греко-македонских спейр.

Как явствует из сообщения Полибия, Пирр использовал подобное построение в Италии. Но в каких сражениях? В битве при Геркалее (280 г. до н.э.) царь еще не имел союзных контингентов италиков, они присоединились к нему позднее (Plut. Pyrrh. 15–16)⁸. Да и к этому первому столкновению с римлянами Пирр вряд ли успел хорошо изучить их тактику и умело приспособиться к противнику. Вместе с тем, сам ход битвы, кажется, не противоречит возможности такого смешанного построения. Так, Плутарх, рассказывая об ожесточенном сраже-

³ Sekunda N. Hellenistic Infantry Reform in the 160's BC. Łódź, 2001. P. 121–123.

⁴ Poland. Σπείρα // RE. 2. R. Bd III. Hbbd 6. 1929. Sp. 1586.

⁵ Rüstow W., Köchly H. Geschichte des griechischen Kriegswesens von der ältesten Zeit bis auf Pyrrhus. Aarau, 1852. S. 236–237; Feyel M. Un nouveau fragment du réglement militaire trouvé à Amphipolis // Revue archéologique. Sér. 6. T. 6. 1935. P. 45–47; Walbank F.W. A Historical Commentary on Polybius. Vol. I. Oxf., 1970. P. 280; Head. Op. cit. P. 18; Sekunda. Hellenistic Infantry Reform... P. 118.

⁶ Polyb. I. 33. 9; VI. 24. 5; 28. 3; 29. 3–4, 9–10; 30. 4–5; 32. 1; 33. 3, 5–6, 8–10, 12; 34. 2, 8–9; 35. 2, 6, 12; 36. 2, 5; 38. 1; 40. 11–12; VIII. 37. 5; IX. 3. 4; X. 15. 9; 16. 2. См. Sekunda. Hellenistic Infantry Reform... P. 118.

⁷ Ср. Head. Op. cit. P. 40.

⁸ Казаров С.С. Первое сражение греков с римлянами (битва при Гераклее) // Битва в античности / Под ред. А.К. Нефёдкина. СПб., 2002. С. 20.

нии, упоминает, что «...семь раз происходило бегство и, наоборот, преследование» (Pyrgh. 17. 2). Естественно, классическая фаланга вряд ли могла столько раз наступать и отступать⁹.

Предполагают, что описанный Полибием строй Пирра датируется следующей битвой, при Аускуле (279 г. до н.э.)¹⁰. Дионисий Галикарнасский (Hist. Rom. XX. 1. 1) достаточно подробно описывает построение царского войска перед этим сражением: «Царь Пирр первой на правом крыле построил македонскую фалангу, а за ней – италийских наемников от Тарента, затем – из Амбракии и за ними – белошитную фалангу тарентинцев, потом – союзников из бруттиев и луканов, в середине же фаланги – феспротов и хаонов, вслед за ними – этолийцев, акарнанцев и наемников-афамантов, последними заполняли левое крыло самниты. Он поставил на правом крыле самнитскую, фессалийскую, бруттийскую и наемную от Тарента конницу, а амбракийскую, левканскую, тарентинскую и греческую наемную, которую укомплектовывали акарнанцы, этолийцы, македоняне и афаманты, на левом. Позади, разделив на два крыла, он поставил легковооруженных и слонов, отведя их на подходящую местность, немного поднимающуюся от равнины. Сам же вместе с так называемой царской агемой примерно из двух тысяч отборных всадников был вне строя, чтобы всегда быть наготове вблизи своих уставших»¹¹. Как видим, согласно данному описанию, в боевой линии Пирра действительно чередовались отряды греков или македонян с италиками: македонская фаланга – италийцы (у Фронтинна самниты) – эпироты-амбрактиоты – тарентинцы – бруттии и луканы – отряды эпиротов и других западных греков – самниты. Причем, если македоняне, поставленные Птолемеем Керавном (Just. XVII. 2. 14), должны были иметь свое собственное вооружение, то греки, видимо, также имели свое традиционное оружие. Сложнее определить, чем была снаряжена тарентинская фаланга с белыми щитами. С одной стороны, Пирр, прибыв в Тарент, заставил граждан служить в войске и, соответственно, обучал их владению македонским оружием (Plut. Pyrgh. 16. 1–3), ведь у эллинистических монархов левкаспиды были одним из подразделений македонской фаланги¹². С другой стороны, для действия в такой фаланге необходимо было тщательное и длительное обучение граждан Тарента, которые не жаждали воевать, тогда как сами белые щиты встречались в вооружении греков классического времени (Xen. Hell. II. 4. 25). Таким образом, фаланга тарентинцев могла быть и традиционной греческой, а не македонской.

Сама битва при Аускуле была крайне ожесточенной и длилась два дня. В первый день боя македонская фаланга разбила первый легион римлян и латинских союзников, стоявших против нее, тогда как на другом фланге четвертый легион разбил луканов и бриттов и обратил в бегство фалангу тарентинцев (Dion. Hal. Hist. Rom. XX. 2. 5–6). Второй день сражения Плутарх (Pyrgh. 21. 8–10) описывает так: Пирр «...двигал с натиском и силой плотное и построенное вместе войско. Римляне же ... встречали врага на равнине по фронту и, торопясь атаковать гоплитов прежде, чем подошли слоны, завязывали страшные схватки мечами у

⁹ Там же. С. 24; ср. Дельбрюк Г.Л. История военного искусства в рамках политической истории. Т. I. СПб., 1994. С. 204–205.

¹⁰ Hamburger O. Untersuchungen über den Pyrrhischen Krieg. Würzburg, 1927. S. 30; Lévêque P. Pyrrhos. P., 1957. P. 542; Head. Op. cit. P. 72.

¹¹ Перевод автора. Ср. Front. Strat. II. 3. 21.

¹² Head. Op. cit. P. 18.

сарисс...». Таким образом, описание хода битвы свидетельствует о том, что фаланга была сплошной и нерасчлененной и действовала традиционным натиском. Как видим, ни о каком чередовании отдельных относительно небольших отрядов италиков и эпиротов, о котором рассказывает Полибий, речи у Дионисия и Фронтинуса нет. Видимо, автор «Всеобщей истории» подразумевал какие-то другие битвы, – возможно, малоизвестную битву при Беневенте (275 г. до н.э.), ко времени которой Пирр уже достаточно набрался опыта борьбы с римлянами и в которой, к тому же, участвовали и италийские союзники¹³. Следовательно, видимо, прав Г. Файт, полагая, что реформы были проведены Пирром между битвами при Аускуле и Беневенте¹⁴.

Чтобы понять построение Пирром своих войск во время италийской кампании, обратимся к тактике его врагов – римлян и выясним, почему эта тактика вынудила царя Эпира модифицировать построение своего войска. Тактику римской пехоты того периода исследователи реконструируют как преимущественно метательный бой с переходом в кратковременную рукопашную борьбу в особо критических случаях¹⁵. Как раз против римлян успешно сражаться могли италики – тоже щитоносные метатели, ведь их главным наступательным оружием были различного рода метательные копья¹⁶. Пирр, оценив противника, понял это и активно использовал италийских метателей для противостояния римлянам. Существуют предположения, что Пирр воспринял тактику римлян или даже сам научил их таковой¹⁷. Впрочем, различия между строем легиона и построением Пирра столь велики, что о такой прямой связи говорить не приходится. Вдохновился ли царь римскими боевыми порядками, расчленив свою фалангу по фронту, или нет, сказать трудно. Владыка Эпира хорошо изучил противника и стал умело использовать имеющиеся у него силы. Не случайно же сам Ганнибал ставил Пирра по полководческому дарованию на первое (Plut. Pyrrh. 8. 5) или, по другой версии, на второе после Александра Великого место (Plut. Tit. 21. 4).

Рассматривая взаимодействие в одной боевой линии италийских и македонских отрядов, следует присоединиться к мнению о том, что это было сделано для увеличения подвижности и для меньшей уязвимости строя фаланги¹⁸. Впрочем, можно пойти несколько дальше и указать на то, как могли взаимодействовать италийские щитоносцы и македонские фалангиты Пирра, вооруженные сариссами (Plut. Pyrrh. 21. 10). Постановка вперемежку отрядов италиков и фалангитов позволяла вытянуть фронт войска и сделать поражающую силу последнего ударно-метательной¹⁹. Естественно, при этом воины с копья-

¹³ О битве см. Казаров С.С. Последняя кампания царя Пирра в Италии // Античный мир и археология. Вып. 11. Саратов, 2002. С. 15–22.

¹⁴ Veith G. Die Zeit des Milizheers // Kromayer J., Veith G. Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer. München, 1928. S. 263.

¹⁵ Zhmodikov A. Roman Republican Heavy Infantrymen in Battle (IV–II Centuries BC) // Historia. 2000. Bd 49. Ht 1. P. 67–78; Жмодиков А.Л. Тактика римской пехоты IV–II веков до н.э. СПб., 2001. С. 43–60.

¹⁶ О вооружении италиков см., например: Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории / Пер. С. Лопуховой, А. Хромовой. М., 2000. С. 97–113; Жмодиков. Ук. соч. С. 47–50.

¹⁷ За первое предположение: Lévêque. Op. cit. P. 542; Walbank. A Historical Commentary... Vol. II. P. 586; за второе – Couissin P. Les institutions militaires et navales. P., 1932. P. 83.

¹⁸ Head. Op. cit. P. 47, 72; Sekunda. Hellenistic Infantry Reform... P. 118–121.

¹⁹ Отметим, что существовали и другие способы взаимодействия фалангитов и щитоносных метателей. Так, позднес понтийские стратеги вообще ставили италиков и вооруженных по-римски воинов позади македонской фаланги (Front. Strat. II. 3. 17).

ми для удобства броска должны были строиться менее глубоко, нежели голлиты в фаланге (ср. Veget. III. 14; Niceph. Strat. 1, 5–6 McGeer). Пирр таким построением достигал, с одной стороны, того, что его пехотинцы могли перестреливаться с противником, метая дротики, а с другой – сариссофоры путем фланговой угрозы атакующим должны были не допустить нежданную атаку римлян, которые могли перейти в рукопашную. В пользу этого предположения свидетельствует то, что перед битвой при Беневенте консул Маний Курий опасался развернутой фаланги Пирра (Front. Strat. II. 2. 1). Для взаимодействия, используемого Пирром, как раз были удобны небольшие отряды из нескольких сот человек, аналогичные более поздним подразделениям мушкетеров и пикинеров. В целом, действительно, подобное взаимодействие напоминает тактику европейских мушкетеров и пикинеров XVI–XVII вв., когда первые с расстояния стреляли во врага, а вторые защищали стрелков от атаки противника. Причем в Европе существовали различные виды построений по отрядам этих двух видов пехоты. Конечно, были и отличия между боевыми порядками нового времени и древности. Например, итальянцы не прятались при атаке врага под сариссы фалангитов, как это делали мушкетеры при атаке вражеской кавалерии²⁰. В общем построение Пирра было рассчитано не на таранный фронтальный удар, а на постепенное вытеснения врага с позиции. Ведь, как уже отмечалось, в таком строю было легче наступать, не боясь разорвать строй, и отступать. Причем, судя по описанию битвы при Селласии, отряды разных родов пехоты, стоявшие в одной линии, могли в определенный момент боя действовать отдельно.

Таким образом, смешанное построение италийцев и македонян свидетельствует о том, как противник мог влиять на строй другой армии, особенно если ее полководец хорошо понимал, что врагу надо противостоять аналогичными средствами. Естественно, Пирр мог применять данную тактику лишь в Италии, где у него было много италийских контингентов²¹. Рассматривая военную историю эллинистической эпохи, Н. Секунда отметил, что позднее военачальники использовали расчлененное построение фаланги, узнав о нем из сочинений царя Эпира²². Так это или нет, сложно сказать, но, очевидно, существовала определенная традиция, которой военачальники придерживались в подходящих тактических ситуациях. Возможно, действительно эллинистические стратеги руководствовались примером эпирского царя²³.

Весьма специфическое для военного дела эллинистического периода построение пехоты мы найдем в описании включения персов, а также коссеев и тапуров в македонские полки, произведенного Александром в Вавилоне в конце его царствования (323 г. до н.э.). В ряды македонских фалангитов были включены азиаты с метательным оружием. Диодор (XVII. 110. 2) достаточно общо рассказывает об этой военной реформе: «В это же время пришел Певкест, ведя двадцать тысяч персов – лучников и пращников. Смешав их с ранее имевшимися воинами, Александр ... сделал все войско смешанным и соответствующо-

²⁰ Дельбрюк Г.Л. История военного искусства в рамках политической истории. Т. IV. СПб., 1997. С. 106–111; Строчков А.А. История военного искусства. Т. I. М., 1955. С. 328–331, 444.

²¹ Head. Op. cit. P. 20.

²² Sekunda. Hellenistic Infantry Reform... P. 118–121.

²³ Walbank. A Historical Commentary... Vol. I. P. 280; Vol. II. P. 585.

щим его собственному замыслу» (перевод автора)²⁴. Более подробно описание Арриана (Anab. VII. 23. 1–4): «Возвратясь в Вавилон, Александр встречает Певкеста, идущего из страны персов и ведущего войско примерно в двадцать тысяч персов. Привел он и немало коссеев и тапуров, так как ему сообщили, что эти народы являются наиболее воинственными из пограничных с Персидой... Александр распределил их в македонские полки. Македонянин был поставлен десятником декады, а за ним – македоняне-димойриты и десятистатерник (назван так по жалованию, которое было меньше, чем у димойрита, но больше, чем получали рядовые), а за ними – двенадцать персов, замыкал декаду македонянин, десятистатерник, так что в декаде было четыре македонянина (из них трое выделялись жалованием и один – властью над декадой) и двенадцать персов. Македоняне были вооружены отеческим оружием, а у персов одни были лучниками, другие же имели дротики» (перевод автора).

Сначала рассмотрим общий контекст повествования. В данном случае размер жалования македонян нас не интересует. Оно, естественно, было больше у солдат, на которых приходилась основная нагрузка боя. Вооружение македонских фалангитов было традиционным – сариссы и щиты. Нет оснований думать, что оружие первых шеренг фаланги отличалось от последующих уже во время Александра. Лишь позднее в эллинистических «Тактиках» рекомендовалось увеличивать длину пик последующих шеренг (Asclep. Tact. 5. 2; Ael. Tact. 14. 7; Эксерт. Polyæn. 18. 8; De re strat. 16. 7). Азиаты, введенные в фалангу, были, как видим, в основном персами, а также горцами из Загроса, коссеями и тапурами. Персы были вооружены не на македонский манер, как «эпигоны» (Diod. XVII. 108. 1–3; Curt. X. 3. 10, 13; Arr. Anab. VII. 6. 1; Plut. Alex. 47. 6; 71. 1), а имели на вооружении свое традиционное метательное оружие: луки и дротики, именуемые Аррианом как «месанкилоны». Вид последнего оружия требует пояснения, которое мы находим в схолии к «Андромахе» Еврипида (1133): «...месанкилоны – разновидность дротика, обвязанного посередине веревкой, держа за которую, его метают». Следовательно, месанкилон (μεσάνκιλον) – вид метательного копья, имеющего посередине петлю для удобства метания. Подобный дротик мы видим и на так называемом «Саркофаге Александра», и на знаменитой «Мозаике Александра» из Помпей²⁵. Причем на первом памятнике отчетливо видно, что воины с легкими копьями вооружены еще и легкими щитами на манер пельтастов²⁶. Диодор упоминает пращников, которые также были введены в фалангу, однако Арриан вместо них называет воинов с месанкилонами. Действительно, пращники имелись в персидском ополчении, но они не были столь многочисленны, как воины с луком (Xen. Anab. III. 3. 17; Cug. I. 5. 5; Curt. III. 9. 1; Strabo XV. 3. 18)²⁷. Вероятно, и среди горцев ситуация была такая же, ведь для них типично использование метательного оружия, главным образом боевых луков. Действительно, коссеи упоминаются в источниках именно как стрелки (Arr. Anab. III. 11. 5; Strabo. XI. 13. 6; XVI. 1. 18; ср.: Jerem. 49. 35). Впрочем, возможно, среди лучников и дротико-

²⁴ Диодор неверно помещает этот эпизод в Сузы и датирует 324 годом до н.э. (Bosworth A.B. Alexander and the Iranians // JHS. 1980. 100. P. 18. Not. 146; ср. Berve H. Das Alexanderreich aus prosopographischer Grundlage. Bd I. München, 1926. S. 150).

²⁵ См. Winter F. Der Alexanderarkophag aus Sidon. Strassburg, 1912. Taf. 13–14; Andreae B. Das Alexandermosaik aus Pompeji. Recklinghausen, 1977. Abb. 25.

²⁶ Bittner S. Tracht und Bewaffnung des persischen Heeres zur Zeit der Achaimeniden. München, 1985. S. 161–164.

²⁷ Bittner. Op. cit. S. 178–179; ср. Head. Op. cit. P. 90.

метателей, приведенных Певкестом, были еще и пращники, которые позднее упоминаются в персидских контингентах эллинистических монархов (Polyb. V. 79. 6; Diod. XIX. 14. 5; 69. 1; 82. 3)²⁸. Диодор назвал пращников, почему-то не указав на воинов с дротиками – тоже менее распространенный тип метателей, нежели лучники. Возможно, информация Арриана более точна не только в силу более надежных источников и полноты описания реформы, но и потому, что воины с пращами обычно не находились внутри строя тяжелых пехотинцев, как лучники и дротикометатели²⁹.

Построение фаланги Александра исследователи интерпретируют по-разному. Н. Секунда понимает данный пассаж Арриана в том смысле, что первым стоял командир «декады» – декадарх (= лохаг), димойрит же, судя по «Тактике» Арриана (б. 2), руководивший половиной лоха, стоял девятым, тогда как «десятистатерники» были восьмыми и последними в ряду³⁰. Учитывая способ углубления строя фаланги при помощи вхождения одного ряда-лоха в другой, о котором пишет Арриан (Tact. 25. 10–11), можно было бы предполагать и другое построение внутри лоха из 16 гоплитов: декадарх-лохаг стоял первым, за ним находился димойрит, тогда как «десятистатерники» стояли предпоследними и последними в ряду. Следовательно, при *синасписме* и образовании нового ряда из восьми фалангитов димойрит становился бы первым, а предпоследний «десятистатерник» – восьмым. Впрочем, другие исследователи предлагают читать пассаж буквально и не интерпретировать его вообще: македоняне стоят в первых трех и в последней шеренге реорганизованной фаланги³¹. Видимо, такое объяснение наиболее верное, поскольку Арриан ясно пишет, что воины стоят друг за другом. Очевидно, подобная фаланга вообще не предназначалась как для уменьшения ее глубины до восьми шеренг, так и для увеличения ее до 32 человек в ряду. Хотя, казалось бы, если уменьшить количество шеренг в построении, то метать станет легче, поскольку не с возвышенности стрелять из лука и метать дротики из 4–15-й шеренги неудобно. Для лучников, например, подобный строй представляется слишком глубоким. Ведь даже в «Тактиках», информация которых восходит к периоду эллинизма, метателей строят всего лишь в восемь шеренг (Asclep. Tact. 6. 2; Ael. Tact. 15. 2; Arr. Tact. 14. 2). Вместе с тем, имеются и некоторые другие письменные упоминания о построении метателей в глубине строя позади щитоносцев. Так, Арриан, будучи легатом римской провинции Каппадокия, строил свои два легиона тем же самым способом для отражения атаки аланской конницы (135 г.): в первых четырех шеренгах были воины с копьями-контосами, а в последующих четырех – с метательно-ударными ланцеями (Arr. Ac. 15–18, 26)³². Далее, согласно Вегецию (III. 14), в первых двух и шестой шеренгах римского боевого порядка стояли щитоносцы, а в центральных – метатели. Византийский

²⁸ *Launey M. Recherches sur les armées hellénistiques*. T. I. P., 1949. P. 564–567; *Berve*. Op. cit. S. 150.

²⁹ См. *De re strat.* 16. 6–8; *Niceph. Strat.* 1. 7; ср.: *Veget.* III. 14: иногда в пятой шеренге – пращники и арбалетчики.

³⁰ *Sekunda N. Army of Alexander the Great*. L., 1984. P. 23, 25.

³¹ *Дройзен И. Г. История эллинизма*. Т. I. СПб., 1997. С. 325; *Шофман А. С. Армия и военные преобразования Александра Македонского // ВДИ. 1972. № 1. С. 184; Шахермайр Ф. Александр Македонский*. М., 1986. С. 297; *Bosworth. Alexander...* P. 18; *Head*. Op. cit. P. 14; *Hammond N.G.L. Royal Pages, Personal Pages, and Boys Trained in the Macedonian Manner during Period of the Temenid Monarchy // Historia*. 1990. Bd 39. Ht. 3. P. 280. Not. 58; *Коннолли. Греция и Рим...* С. 69.

³² *Нефёдкин А. К. Кампания Арриана по отражению аланского набега на Каппадокию в 135 г. // Stratum plus*. 1999. № 3. С. 175, 183. Прим. 54.

аноним VI в. (*De re strat.* 16. 6–8) рекомендует давать дротики воинам, стоящим за четвертой шеренгой. В X в. Никифор Фока (*Strat.* 1. 7) ставит лучников в третью–пятую шеренгу, а в две первые и последние – щитоносцев.

Диодор упоминает о некоем замысле Александра, согласно которому, собственно говоря, фаланга и подверглась реформированию. В чем он состоял, можно лишь предполагать. Вся сила фаланги заключалась в сплоченности, монолитности и однородности, ведь павших воинов первой шеренги должны были заменить бойцы того же ряда, стоявшие позади (*Art. Tact.* 12. 4). Как раз с этой целью Александр оставил первых трех воинов в ряду гоплитами-македонянами, вооруженными однородно (ср. *Diod.* XVII. 26. 4). Видимо, считалось, что больших потерь в ходе битвы фаланга понести не могла. Можно думать, что подобное смещение было вызвано нехваткой македонских войск, так как подкрепления еще не прибыли, а поход должен был вот-вот начаться (*Art. Anab.* VII. 25. 2)³³, но македонская пехота насчитывала, по крайней мере, 13000 человек (*Curt.* X. 2. 8), а для фаланги из 20000 азиатов нужно было менее 6700 гоплитов. Очевидно, Александр не планировал заменить позднее персов-метателей на персов-фалангитов, ведь 30000 последних уже имелось у него и их бы было легче включить в македонские отряды, а не тратить время на переобучение метателей.

Стоит обратить внимание на то, что персы вводились в стандартное построение македонской фаланги из 16 шеренг, где каждый гоплит занимал около 90 см по фронту, образуя при этом «стену щитов», т.е. азиаты должны были сражаться в весьма плотном построении, не особо удобном для метания. Мы можем сопоставить это линейное построение с армейским каре, состоящим из пикинеров-щитоносцев и стоящих посередине них лучников, которое описывает Никифор Фока (*Strat.* 1. 5–17). При этом видим, что византийский строй не предназначен для атаки врага, ведь при случае он может сражаться с противником (1. 13), хотя каре менее мобильно, чем линейный строй. Фаланга же Александра могла при необходимости наступать. Очевидно, главной ударной силой при этом должна быть, как и у Никифора, конница. Ведь царь намеревался воевать с арабами (*Art. Anab.* VII. 19. 5–20; *Strabo.* XVI. 1. 11), против которых «каток» фаланги был не нужен, ведь они не были тяжелыми пехотинцами, но стрелками, пешими или верховыми, главным образом на верблюдах (*Herod.* VII. 69, 86; *Xen. Cyr.* II. 1. 5; *Strabo.* XVI. 4. 24; *Liv.* XXXVII. 40. 12; *App. Syr.* 32)³⁴. Цель же подобного построения, как справедливо заметил Д. Хед, состояла в «попытке скомбинировать силу атаки и метания»³⁵. Стрельба из такого строя будет навесная, а не прицельная, и врага будут поражать не прицельно, а массой снарядов в надежде на то, что какое-то количество из них попадет в цель и тем самым нанесет урон противнику. Щитоносцы с оружием ближнего боя должны были, выставив сариссы, защищать стрелков как от метательного оружия врага, так и от возможной атаки противника. Подобная тактика не была уникальной, – к примеру, на рубеже эр ее использовали германцы-херуски³⁶. Причем и в построении самой персидской пехоты традиционным был строй, в котором впереди стояли воины с большими плетеными щитами, а за ними размещались лучники (*Herod.* IX. 61, 102). Данный строй

³³ Ср. Шофман. Ук. соч. С. 184; *Bosworth. Alexander...* P. 20; *idem. Conquest and Empire: the Reign of Alexander the Great.* Camb., 1988. P. 170.

³⁴ *Bosworth. Conquest...* P. 169–170.

³⁵ *Head. Op. cit.* P. 14.

³⁶ *Нефёдкин А.К.* Длинные копыя варваров (К вопросу об элементарной тактике херусков в начале I в. н.э.) // *Битва в античности.* СПб., 2002. С. 79–92.

вполне мог быть определенным прототипом для поздней фаланги Александра, тем более что таким образом можно было эффективно использовать плохо дисциплинированные азиатские войска и хорошо обученных македонских фалангитов³⁷. Поэтому предположение И.Г. Дройзена о том, что стрелки и дротикометатели выходили перед фалангой для завязки боя, а затем возвращались обратно и все вместе шли в атаку на противника, не выглядит столь убедительным³⁸. Для подобной завязки боя достаточно было использовать стандартное построение «включения», которое было проще для исполнения.

Насколько была жизнеспособна новая фаланга Александра, показало бы время, которое, впрочем, история ему не отвела. Видимо, подобное взаимодействие метателей и пикосцев было эффективно против восточных народов, главную силу которых составляли пешие метатели, а ударной силой была конница. Это построение позволяло успешно отражать атаки пехоты и конницы и в то же время вести постоянное наступление на врага, вытесняя его с поля боя. В ходе сражения щитоносцы прикрывали стрелков щитами от метательного оружия врага, а длинные копья фалангитов не давали возможность противнику подойти близко. Наличие подобного построения в дальнейшем не прослеживается в источниках. Вероятно, оно исчезло вместе со смертью Александра, поскольку, став царем Азии, он проводил политику слияния народов, которая, в частности, выражалась в активном внедрении азиатов, в первую очередь иранцев, в армию и в уничтожении тем самым территориального принципа комплектования фаланги³⁹. Впрочем, диадохи не стали придерживаться этой политики своего предшественника.

JAVELINMEN, ARCHERS AND PIKEMEN: CO-OPERATION OF FOOTMEN IN THE HELLENISTIC ARMIES

A. K. Nefedkin

The paper deals with two formations of Hellenistic infantry. According to Polybius (18.28.10), the Epeirot King Pyrrhus formed his array from mixed detachments of phalangites (*speirai*) and Italic troops (*sematai*) during his war against the Romans. We do not know in what battles the formation took part. Probably it was at the battle of Beneventum. The aim of the formation was to ensure co-operation between the thrust of the Macedonian phalanx and missile power of the Italian shield-bearers. One may assume that the phalangites defended javelinmen from the Romans' assault while the Italians were throwing their spears and javelins. Such cooperation is similar to that of pikemen and musketeers in the 17th c.

The second subject of the paper is a formation of Alexander the Great's later phalanx as described by Arrian (Anab. 7. 23. 3–4). It consisted of four Macedonian hoplites and twelve Persian archers and javelinmen. The former stood in the first three ranges and in the last one, the latter were in the centre. The phalangites were to defend bowmen and javelinmen from the enemy's assault, especially from cavalry charge, while the throwers were shooting in order to inflict the greatest losses possible on the foe. After that the phalanx could advance (make the offensive). These Hellenistic formations clearly show transformations of the army's array under the influence of the enemies, both real (in the first case) and supposed (in the second).

³⁷ Bosworth, Alexander... P. 18.

³⁸ Дройзен. История эллинизма. Т. I. С. 325–326, 403. Прим. 42. Также кажется невероятным его предположение о том, что на тактику поздней фаланги Александра повлияла практика римского легиона – способы действия манипулярного легиона и фаланги слишком различались.

³⁹ Ср. Errington M. Geschichte Makedoniens: von den Anfängen bis zum Untergang des Königreiches. München, 1986. S. 216.